

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Я воздвиг себе памятник» — так процитировано Александром Пушкиным в эпиграфе к знаменитому стихотворению. Мы — люди маленькие и потому, воздвигая себе памятник при жизни, мы вкладываем в это дело сугубо практические соображения. Расходы на похороны всё растут. А в Америке похорониться — это значит разориться, что, кстати, многие и делают. Лично мне после моей кончины абсолютно наплевать, где будут лежать мои кости или горсть пепла. Я согласен быть погребенным в общей могиле для бедняков, как это сделали с Моцартом. На сегодняшний день мои расходы по прижизненному изданию моих книг не перевалили через три тысячи долларов. Как видите, — я обошелся самому себе в скромненькую сумму, причем часть моего памятника уже пылится в библиотеке, которую раньше называли «Имени Ленина» — ВГБИЛ.

Каждый выбирает себе памятник по вкусу. Один предпочитает полированный гранит, другой — лабрадор, третий — мрамор, но если «рукописи не горят», как утверждал Булгаков, то лучше бумаги ничего нет. Можно, конечно, последовать примеру египетских фараонов и отметить себя с помощью иероглифов в камне, но где взять денег? Нет, бумага достаточно долговечна и практична.

Остается вопрос — а к кому же будут приходиться дети и внуки? Ну, во-первых, даже ежегодный визит на могилу предка под вопросом. Во-вторых, если даже один раз в год кто-то придет на пятнадцать минут и посадит кустик, то я этого не узнаю. А если вообще не будут ходить на могилку, но будут вспоминать — то лучшего мне и не надо. Вот, еще мои дорогие друзья будут меня помнить, пока живы. Некоторые из сослуживцев, кто помоложе.

Будь я человеком богатым, как Гетти, вопрос о памяти не стоял бы. Но что же я могу оставить потомкам в наследство? От моего дедушки осталось две пары истертых кальсон, три книжки на идише и ящичек с инструментами для ремонта будильников. Жаль, что я не успел поиграть с ними, когда он умер. Бабушка быстро продала ящик и книжицы такому же бедолаге за копейки. От папы в наследство я получил дубленку, которая ему была велика и которую я оставил в Москве, так как бежал в Америку 31 июля. Было жарко и к тому же я

предполагал, что в Бостоне, который находится примерно на широте Ташкента, еще жарче. Сейчас, вот, у нас в Линне снега по уши, мороз, а я хожу в синтетической дряни, которую сделали в Таиланде. Как только мороз ниже минус десяти по Цельсию, эта шуба на рыбьем меху становится жесткой, как стекло, хрустит, как вафельный стаканчик, и мне кажется, что она вот-вот треснет пополам и я окажусь голеньким под ледяным ветром. Да, после продажи родительской квартиры я присвоил себе пять тысяч долларов и долго не мог понять, что мне с этой суммой делать. Поэтому, помыкавшись, я добавил в кучку еще пять тысяч, которые сумел заработать, и с помощью хорошего человека перевел эти деньги сыну в Словакию. Дальнейшая судьба «семейного наследства» мне не ясна, да и не интересна.

И вот, я здесь, в Америке, которая меня содержит. Я оставляю людям, лучшее, чем владел при жизни. Я не рассчитываю на детей и внуков: первым некогда читать мои сочинения, а вторые стали американцами и что им российские проблемы прошлого тысячелетия! Я надеюсь на внимание и сочувствие не только друзей и знакомых, но и совершенно неизвестных мне людей. Когда мы относимся со вниманием и сочувствием к другим, мы сами становимся лучше.

Я вынес на основе собственного опыта, что жизнь бессмысленно-жестока. Так называемые, простые люди появляются в потоке жизни и исчезают из него бесследно, оставив, если повезет, лишь свой генетический материал следующему поколению. Жизнь жестока и потому, что ей противопоказана долгая память. Четвертое поколение уже не помнит первого. Жизнь жестока и глупа, еще и потому что она возносит негодяев и проходимцев и одновременно не оказывает поддержки талантам и гениям, когда они бедствуют, с тем, чтобы через пятьдесят лет забыть негодяев и проходимцев и вознести память об ушедших талантах и гениях до небес.

И вот, я воздвиг себе памятник. Сознаю, что скорее всего его ждет судьба памятника моему дедушке на Востряковском кладбище в Москве. Кости моего дедушки Иосифа Толчинского лежат под большой березой, которая почти закрыла памятник. Муж моей сестры был в Москве недавно и уже не смог найти могилу, а берез на территории кладбища повыврасталло много. Это хорошо! Дышится там легко, особенно летом. Мне лично покойники никогда не мешали, хотя на кладбище мне нечего делать. Нет у меня любви к отеческим гробам. Иначе, я продолжал бы жить в России с надеждой соединиться с родными. Что же сказать всем вам на прощание?

Мир вам всем, живущим и ушедшим! Мир вам всем!

ПИСЬМА БЕЖЕНЦА

(Повесть в письмах)

Дорогие друзья!

Итак, мы вот уже полтора месяца на новой земле. Все течет под уклон и впадает в Лету. Все наши маленькие и большие печали. Говорят, что горчит хлеб эмиграции. Здесь он скорее слишком, приторно сладок.

После того, как «группа товарищей» проводила нас до таможни, мы все перецеловались и помахали ручками, я остался наедине с женой Линой и четырьмя неподъемными сумками. Я храбро схватил их и потащил на какой-то контроль, потом еще раз схватил и потащил в очередь на сдачу. Потом выяснилось, что зря я так торопился, поскольку лайнер из США опаздывает на 6 часов. Я кинул сумки на весы и, получив спазм в сердце и талон на 24 доллара в Айриш-Бар, поплелся с женой перекусить. К счастью, таблетки у меня всегда с собой, но все же два часа с лишним я боролся со своим сердцем, пока смог немного двигаться и созерцать окружающий меня мир вещей и денег. Внутренняя часть Шереметьева-2 вся нацелена на купи-меня-купи-поскорее. Все сверкает. Изобилие. Сидели мы, сидели, два раза в Айриш-Бар наведывались, а всё 24 доллара никак не можем потратить. Наконец Лина придумала купить на оставшиеся доллары бутылку Мартини и две бутылки пива. Сунули их в ручную кладь, отчего она сильно потяжелела. Мы сидим, сидим, а на посадку нас не зовут! Лина отправилась гулять. Нашла время. Тут идет мимо меня служащий и спрашивает, не собираюсь ли я в Нью-Йорк. «*Of course*», — отвечаю. — «Объявлена посадка» — Я хватаю коляску с ручной кладью и бегу искать Лину. С трудом нашел и мы побежали к выходу. Никаких трапов нет, прямо из зала входишь в самолет. С двумя кошмарно тяжелыми сумками ручной клади на последнем издыхании я влез на свое место и расслабился. Взлетели.

Тут ко мне обращается мелкий и тощий мужичонка с вопросом: «Как дела, как здоровье?» Я, конечно, вежливо так отвечаю, что все О'К. А он меня по фамилии имени отчеству... (в ранние времена — все! попался кролик!). Что за черт! Откуда он меня знает? Даже лицо его показалось мне знакомым. Наконец он кончил темнить и выяснилось, что он тот самый врач, которого послали сопровождать меня в полете. Я ведь лечу санитарным рейсом! Где вы все были, благодетели, когда я багаж туды-сюды кидал?!

Летим. Кормят на убой. Каждые два часа. Принесли к обеду вино в маленьких бутылках (по 250 мл). Я взял красное, а Лина — белое. Сидим, едим, толстеем. Места от этого становится все меньше. А вино стоит в дурацких полиэтиленовых стаканах. То ли самолет трянуло, то ли неловкое движение — все белое вино пролилось Линке в трусы

(индейка в белом вине по-французски), так что до конца полета у нее был кайф.

Наконец, приземлились. В Нью-Йорке — темная ночь. В Бостоне дожди и аэропорт не принимает. По этому случаю — извольте получить багаж! Я стою и тоскую — опять кидать тяжелые сумки. Но ничего, ничего. Разыскал тележки и погрузился. Одну тележку везу я, другую Лина с доктором, который должен охранять мое здоровье. Доктор присосался к моей жене, всякие шуры-муры, а она — хи-хи-хи! Каково это мне — больному, слушать!... В связи с нелетной погодой везут в гостиницу переночевать. Ждем автобуса. Приехал, наконец. Набралась толпа послепенсионного возраста — сплошной антиквариат! Сил у них кидать багаж нету, а сумок до хрена... Вот тут я поработал на славу. Доктор залез в автобус принимать груз, а я кидал ему снизу. Потом целый час ехали в темноте и сырости до отеля. До-ехали. «Теперь быстро-быстро сгружайте багаж в подвал, — говорит шофер, — а мне надо быстро-быстро в аэропорт за оставшимися пассажирами» Делать нечего. Я, как говорится, в первых рядах.

Входим в маленький, паршивенький отель и тут выясняется, что нас по принципу *едете в один город*, — значит родственники поселяют в один номер с семьей Алхазовых (отец, мать и сын 13 лет). На дворе два часа ночи. Принесли нам в утешение пять огромных порций курицы с рисом. Какое там есть — поспать бы. Подъем без четверти пять. Быстро-быстро в аэропорт. Мы бодро вскочили (что значит молодость и здоровье!) и кинулись в подвал. Как вы уже догадались — грузить проклятые сумки в автобус. А вы что думали — швейцар нам вынес к такси? Когда я с Алхазовым заканчивал погрузку, появился зевающий доктор и спросил меня, как я себя чувствую и не нужно ли мне чего-нибудь эдакого... Я к этому времени так окреп от непрерывного перетаскивания, что прямо-таки чувствовал потребность в физической работе. Доктор тем временем давал мне ценные наставления, как бы мне побыстрее сделать операцию на сердце и начать новую (в небесах или под землей, он не сказал) жизнь.

И вот мы снова в NY. Опять нет самолетов на Бостон. Доктор смылся обратно в Москву, заработав на мне 500 долларов. Ходим по аэровокзалу в сопровождении неимоверно жирного парня из Одессы, который преуспевающий *self made man* и потому учит нас жить и правильно питаться. И вдруг нам повезло — есть два места в Бостон! Алхазовы остаются, а мы летим. Я хватаю ручную кладь (откуда только силы берутся!) и мы бежим по аэродрому на посадку в маленький самолетик. Ручную кладь с Лининой коллекцией фарфоровых чашек у меня отобрали и поставили в багажное отделение. После посадки проклятый черный кинул сумки на асфальт, отчего от чашек мало что осталось. Стоило всю дорогу корячиться?..

В Бостоне нас быстро разыскала Люба и мы без багажа (который потом сутки выуживали из Нью-Йорка) отправились на свою квартиру. И вот у нас двухкомнатная квартира в центре Линна (какое совпадение с именем моей супруги!), с очень широкой постелью (Любин подарок). Шестой этаж, последний. Виден океан. Все, что нужно для проживания, уже есть. Осталось только жить. Мебель вся подарена. Леон, наш милый кузен, подарил нам в связи с приездом телевизор с огромным экраном (42x57 см) и видеоманитофон. Смотрим и ничего не понимаем. То же самое с разговорной речью. Сказать еще туда-сюда, но понять — как об стенку горох. Русский канал не смотрю принципиально. Обьелся нашими новостями еще в Москве. Купили факс для переговоров с сыном и родней. Свободных квартир нет, Люба нам случайно сняла за 700 долларов! Сейчас голова болит, где поселить приезжающего сына с семьей. Дефицит жилья — ситуация для Америки нетипичная, но у нас с Линой всегда было свое маленькое «еврейское счастьеце». Это не случайность, а Судьба. Карма.

Пока мы в жутком дефиците. Помощь правительства штата Массачусеттс (зачем столько двойных букв, не понимаю, если уж быть последовательным, то надо писать Массаччуссеттсс) составляет 486 долларов в месяц. Получаем талоны на питание, которых хватает с избытком, но расходы в деньгах намного выше наших доходов. Думаю, что пока нам дадут пенсию и дешевое жилье, мы здорово растратимся. О работе пока нет и речи. Бегаю по врачам и собираю личное дело, на основании которого могут дать льготы. От занятий языком пока никакого толку. Без языка никакой квалифицированной работы не будет. Слова в голове не держатся. Возраст, возраст! У Лины те же проблемы. Уже выяснилось, что в России учат не тем словам, не тем выражениям, а учат какому-то несуществующему мертвому языку, который только мешает пониманию, равно как и правила грамматики. На самом деле нужно только слушать и говорить, говорить и слушать. Всякая писанина потом.

Кажется, я изложил подробно, что было в самом, самом начале.

Итак, мы оказались на берегу Атлантического океана. Здесь он очень смирный, так как наш город Линн выходит в бухту. Береговая линия сильно изрезана, что мешает океану обрушиться на берег. Приливы и отливы могучие — не то, что на Балтике или Черном море. Уходя, океан оставляет на сером песке раковины, скелеты крабов и огромную массу водорослей. Водоросли, прибитые к берегу, разлагаются и оскверняют свежесть ветра. Толпы чаек, среди которых разгуливают крупные, с хорошего петуха. Вдоль приборя бегут наперегонки мелкие пичуги с клювами, вытянутыми в трубочку.

На берегу обильно цветет и плодоносит шиповник. Ягоды очень крупные. Такие же, размером с небольшой грецкий орех, я видел на

Балтике, под Кёнигсбергом. Вообще же растительность напоминает среднюю полосу России, разве что береза здесь встречается редко. У дубов листья не округлые, а резные и желуди также отличаются от наших — они более солидные, бочкообразные. Масса ягод в лесу (леса здесь богатые и очень живописные, потому что расположены среди скал), но все они гнусного вкуса. Грибов масса, но они не такие, как у нас. Очень яркие шляпки, другого цвета мох и тонкие ножки. Правда, должен оговориться. Любин сын Борис ездил за двести километров на *Cape-Cod* и набрал там великолепных подосиновиков — в точности, как наши.

Первоначально прогулки по берегу доставляли массу удовольствия своим разнообразием. Шлепали босиком по воде. Лина с Любой купались, несмотря на то, что океан здесь довольно холодный.

Сразу же после приезда мы подали на так называемый *Social Security Number*. Этот номер присваивается любому человеку в США раз и навсегда. Он учитывается при выдаче пособий, устройства на учебу, работу, при съеме квартиры, покупке автомобиля и проч., и проч. Короче говоря, — все люди, проживающие в Америке легально, пронумерованы, и Америка о них заботится. В офис мы пошли с Любой, так как сами ничего не могли — ни сказать, ни понять. Подали заявление (*Application*). Потом пошли в *Jewish Family Service* («Джуй-ка», как говорят русскоязычные). Эта организация заботится о приехавших беженцах от лица еврейской общины. Там я заплатил 300 долларов от имени Любы, которая нас вызвала и «спонсировала». После этого нам сказали, что мы получим помощь на один месяц, а затем еще 7 месяцев нас будет содержать правительство штата. Что будет по истечении 8 месяцев, я не представляю. Потом нас записали в спортивный клуб, и мы поехали туда с родней. Там за 20 долл. мы стали членами клуба на год. На самом деле, взнос растет с годами (это для вновь прибывших такая мизерная плата) и достигает 750 долл. в год. Вначале я стал довольно активно ходить в гимнастический зал. Богатство спортивных снарядов меня поразило. В Москве едва ли найдется десяток таких залов, притом для избранной публики. В огромном комплексе бассейн, залы для баскетбола и тенниса. Кроме того, ресторан, детский сад, залы для хореографии и т.д. Всего комплекса я не обошел. Всё это утопает в зелени и цветах. Современное здание синагоги, куда я еще ни разу не зашел. Огромная парковка для машин. Лина тоже ходила в зал, но сейчас мы поостыли, да и машины нет, а без машины здесь нет жизни. Сиди и жди, когда родня повезет.

Многоэтажные дома в Линне и других, окружающих Бостон городках, весьма редки. В них, как правило, дают квартиры престарелым и малоимущим. Американцы и те, кто достиг успеха, селятся в отдельных домах, чаще всего двухэтажных с крошечным зеленым участком, которому уделяется масса внимания и потому весь жилой

комплекс выглядит очень живописно. Цветы в изобилии. Все это мне напоминает маленькие городки Польши, Чехии, Словакии. Только в Америке дома строят в основном не из камня, как в Европе, а из дерева. И здесь, и там входные двери часто стеклянные, и никто их не бьет бульжником, как в России. Да и бульжник, кирпич сыскать на улице весьма трудно. Чистота. Голая земля почти везде присыпана специально пропитанной щепой, так что пыли практически нет.

Улицы, на которых живут белые, очень опрятны. Напротив, улицы, где живут черные и латиноамериканцы, как правило, грязны из-за массы разбрасываемых пакетов, коробок, оберток, собачьего помета. И это несмотря на то, что уборка улиц проводится регулярно через день. (Должна проводиться, не исключен элемент халтуры). Если вы пойдете поздно вечером во вторник по улицам, то увидите массу полезного и бесполезного хлама, в том числе мебель и электронику. Мне показывали одного русского, который наловчился ездить и подбирать то, что люди выбрасывают, а потом он выставляет на барахолке хлам на продажу. Говорят, что он на этом бизнесе накопил денег на покупку дома.

Кстати, вы обратили внимание на слово «черный»? Слово *негр* здесь запрещено в обиходе. Оно равносильно слову *жид*. Лучше даже говорить: афро-американец.

Обращает на себя внимание, что мало кто плюет и харкает, даже цветные. О том, чтобы пописать у забора, не может быть и речи. За это полагается большой штраф. Зато и туалетов полно. Можно зайти в любой офис или магазин, или кафе — и никто даже косо не посмотрит. На пляже летом было много туалетов. Ни один не воняет. Во всех бумага для задницы (мягкая и белая) и полотенце для рук. Поэтому расстаюсь с российской привычкой таскать в кармане туалетную бумагу.

Пора думать о собственной машине. Родня, надо отдать ей должное, по всем инстанциям нас возит. Автобусом здесь можно успеть проехать туда-обратно раза два. Тут и день кончится. В магазинах надо уметь ориентироваться. Люди заранее читают газетки, что и когда будет продаваться на распродаже. Закупают оптом. В результате экономится не менее одной трети денег. Мы пока ориентируемся плохо, но Люба — прямо ас! Конечно, если вы имеете работу и получаете на руки 1000-2000 долларов в месяц, вам особенно беспокоиться об экономии незачем. Однако миддл-класс в Америке очень хорошо считает деньги и не пренебрегает экономией. Тут есть также оптовая база. Мы там были с родней. Производит впечатление огромным выбором. Платишь ежегодный взнос порядка 35 долл. и пользуешься большими скидками. Все набирают огромные тележки и катят их к машинам. Качество продуктов прекрасное. Хотя после нашей русской кухни целый ряд продуктов кажется безвкусным. Страшно дорогая рыба. До десяти долл. за фунт!

Итак, нас возят. В том числе и в госпиталь, где принимают специалисты. Возили на сдачу письменного экзамена по вождению в другой городок. Не хотелось бы испытывать терпение родственников и поэтому нужно срочно сдать экзамен по вождению и сесть за руль. Америка создала автомобиль, и автомобиль создал Америку. Это банальность и в то же время святая правда. Видели бы вы этих древних старух и стариков, которые уже и стоять не в силах, а с рулем не расстаются. При избытке машин воздух остается чистым. С Россией и сравнивать нечего. Правда, автобусы и грузовики пованивают.

Немного о Линне. Когда-то, не очень-то давно, он был центром обувной промышленности и курортным местом. Стояла масса гостиниц, куда приезжали отдыхать богатые люди. Здесь, как я говорил, очень зелено и живописно. То-ли в 50-х, то ли в 60-х годах был здесь страшный пожар на обувных фабриках, после которого обувная промышленность захирела. Евреи, которые все это развивали, разбежались. Гостиницы тоже время от времени горели, и никто их не восстанавливал. Город стал наполняться черными и цветными, которые постепенно вытесняют белое население. А ведь Линн является одним из тех мест, откуда начиналась Америка. Он основан в 1629 году!

Всё же кажется, что для Линна ещё не все потеряно. Говорят, что он постепенно становится одним из крупнейших компьютерных центров. Дженерал Электрик имеет здесь свой огромный завод. В связи с промышленным ростом в Бостоне резко возросли цены на жилье. В результате, люди побежали из Бостона в пригороды и в том числе в Линн. Мы, как говорится, все делаем не вовремя. Целый месяц мы мыкалились в поисках квартиры для сына с семьей. Очень нервничали. Никаких квартир не было — ни дешевых, ни дорогих. Все нас опекали и в результате мы все-таки ухитрились снять квартиру за 900 долл. в месяц. Цены сумасшедшие! Так что неимушим вообще нечего делать. Правда «Джуйка» дает деньги в долг. Но ведь их нужно возвращать! Поэтому всякий стремится как можно быстрее устроить свои дела и либо начать работу, либо получить постоянное пособие по инвалидности.

Жизнь здесь совсем другая и люди совсем другие. В доме, где мы обитаем, масса стареньких. Они получают, по нашим понятиям, огромные деньги (более 600 долл. в месяц), а за квартиру платят 150 долл. Их опекают, привозят продукты, убирают в квартирах — все бесплатно. Они еще ухитряются ходить по церквям и получать благодарственные пайки и хлеб. Куда они девают всю эту массу продуктов — ума не приложу. Детям своим отдают, что-ли... Мы среди стариков самые бедные, так как у нас отрицательный баланс из-за квартиры, за которую мы платим 700 долл.

Решить квартирный вопрос окончательно можно, если удастся получить официальное признание, что ты — придурок и работать не в

состоянии. Дело это кропотливое, могут послать на испытания, нужно заполнять дикое количество справок. Если все эти справки исполнены правильно, то есть надежда, что дадут субсидальное жилье, которое оплачивается одной третью доходов, как бы малы они не были.

На этом заканчиваю писать. Целую всех и обнимаю. В следующем письме расскажу о медицине, путешествиях и других занимательных вещах.

Итак, продолжаю...

Дома здесь практически не запираются. Есть парадная дверь, часто застекленная, если имеет какой-то замок, который способен взломать семилетний школьник, то вторая дверь (она здесь обязательна), как правило, только прихлопывается. Я подумал — а чего им страшиться! Деньги у них на карточках и в банке. Если украдут карточку, все равно воспользоваться невозможно, надо знать секретный код. Драгоценности хранят в банковских сейфах. А мебель и остальная дребедень, никому, кроме владельца дома, не нужны. На улицу выкидывают такую же мебель и такие же тряпки. Продать что-либо с рук невозможно. В сухое время года по субботам и воскресеньям устраиваются так называемые ярд-сейлы. Хозяева дома берут разрешение муниципалитета и два дня торгуют во дворе вещами, которые им надоели. Большинство вещей стоимостью от 1 до 20 долларов, но продаются чаще за 1-2 доллара. Можно купить целый мешок одежды в отличном состоянии, а иногда и совсем новой за 1-2 доллара. Лина и Люба преуспевают в этом бизнесе — очень практичные тетки!

Два-три раза в неделю улицы очищаются от мусора, который включает и надоевшие хозяевам телевизоры, холодильники, телефонные аппараты, мебель и прочее. Одним приятным вечерком мы поехали с Любой погулять в лес. Недалеко от леса мы увидели перед одним из домов три прекрасных деревянных кресла. Я подошел к хозяевам и спросил, можно ли забрать. — Да, можно. С трудом запахнули кресла в машину и привезли домой. Дома их помыли и поскоблили, и вот я сижу в одном из них на специальной подушечке (совершенно новой), которую тоже выбросили, блаженствую своей нижней частью и пишу вам письмо.

Кроме ярд-сейлов в конце недели работает еще и блошинный рынок. Это тоже барахолка, наподобие нашей в Измайлове. Почти все «русские» стремятся там приобрести на грош пятак и преуспевают.

Мебель в магазинах очень дорогая (для нас, естественно). Хороший матрас стоит 200 долларов, а есть и по 500. Мебель странная. Письменные столы убогие, узкие с двумя неудобными глубокими ящиками. Очень распространены низкие столы, тумбочки — на уровне колена. Полки и книжные шкафы встречаются редко и в основном в русских квартирах. Серьезно читающих людей мало. Жизнь не

способствует этому занятию. Стараются больше быть на людях, а дома общаются с русским телевидением. Молодые люди вообще ничего, кроме газетной рекламы и книг по специальности, не читают, так как работают очень интенсивно и в выходные дни должны набраться сил для новой трудовой недели.

Как я уже говорил, многоквартирные дома, в которых прошла наша жизнь, не являются пределом мечтаний для американцев. Напротив, каждый стремится жить в собственном, хоть и небольшом доме. Но независимо от типа жилья в Америке все люди входят в дом через парадную дверь с улицы, а не через черную лестницу со двора. Думаю, что до революции так было и в России, но пролетарская сволочь, включая ее вождей, которую хозяева всегда принимали с черного хода, установила привычный для нее порядок, который утвердился в России, по-видимому, навсегда. Во всех домах, в которых мне приходилось бывать за прошедшие три месяца, имеется холл на первом этаже, где всегда чисто и *за чистотой следят*. В холле цветы, низкие столики с журналами, кресла. Часто выделяют большие помещения на первом этаже для проведения общественных собраний и праздников. Эти помещения напоминают залы хороших ресторанов. Характерно также отсутствие вони от мусоропроводов. Кстати, я воспользовался мусоропроводом в квартире Бориса. Это гладкая, как пушечный ствол, никелированная труба огромного диаметра. Она находится в особом помещении. Когда тудаходишь и включаешь свет, одновременно включается приточная вентиляция. Страшно вспомнить вонючие наши лестничные площадки, где вокруг трубы мусоропровода еще валяется всякий гниющий мусор.

Труд создал Америку. Американцы очень много работают. И в этом простой секрет изобилия. Мы, приехавшие из России, даже не представляем, как можно так упорно работать. Я ходил в Москве на работу, как на праздник. Мой последний начальник начинал рабочий день с разговоров о последних событиях в стране часа на полтора и всегда удивлялся, что я к его приходу уже что-то успел сделать. Потом нас посещали соседи, потом был чай в 15 часов и прочие штучки. Вот если бы работать, как в России, а блага иметь, как в Америке! Но чудес такого рода не бывает. И это справедливо. Русские сказки отражают мечту народа иметь всё, ничего при этом не делая. Причем чаще всего фортуна помогает дураку и бездельнику. Ученые филологи убеждают нас, спасая лицо нации, что Иван-дурак вовсе не дурак, а наоборот, — самый умный. Но это не так. Скорее — он хитрый бездельник. Английские, немецкие, французские сказки не такие. Но, может быть, дело не в психологии народа, а в географии (климате), сформировавшей эту психологию... Это я косвенно цитирую Ключевского.

Думаю, что американский образ жизни есть результат удачного устройства общественных отношений. Пишут, что независимо от ге-

нетических особенностей людей Америки, как гигантская плавильная печь, переплавляет и переуплотняет всех — черных, белых, желтых, создавая новый тип человека, смысл жизни которого — высокопродуктивное создание материальных ценностей. Американцы всем, что они имеют, обязаны самим себе, но великодушные заставляют их ходить в храмы и благодарить Бога за процветание страны и семьи. Мой знакомый сказал мне недавно, что у него была тяжелая неделя — он был вынужден проштудировать за пять рабочих дней почти две тысячи страниц компьютерной документации. При этом обучающий их специалист позаботился о том, чтобы они тут же применили новые технологии на конкретных примерах. Вот это темпы!

Так как продуктов производства полный избыток, Америка щедро раздает излишки, не заботясь о том, как одариваемые их потребляют. В России, например, всё подаренное разворовывают и распределяют в узком кругу. В результате жирные толстеют, а худые худеют, так как собственное правительство думает, что худым что-то перепало, и снижает размеры помощи...

Я обещал рассказать о медицине. Общее мнение большинства опрошенных из приехавших, что американская медицина никуда не годится. И дело здесь, как и во всем, в системе. Нет поликлиник. Если у тебя выскочил фурункул, ты должен записаться к лечащему врачу, а он тебе даст направление к хирургу. Но хирург тебя примет только через полтора месяца, так как у него есть окошко только в четверг такого-то месяца. К этому сроку либо ты весь покроешься фурункулами, либо выздоровеешь. Зато если у тебя сердечный приступ, то по телефону 911 ты вызовешь помощь и она будет у тебя ровно через 5 минут в лице пожарных, полиции и скорой помощи. Умереть тебе не дадут! Во всяком случае, сделают всё возможное.

Кабинеты специалистов — это нечто особенное. Театр начинается с вешалки, а госпитали начинаются с грандиозных коридоров с холлами и помещений для справочных служб. Кондиционеры, компьютеры, стеллажи, автоматизация... В холлах удобные кресла, журнальные столики, вентиляция, масса журналов и все свежие. Но вот ты попадаешь в крошечную комнату без окон, где стоит кресло. Кушетки нет. В другом углу крошечный столик с двумя-тремя стаканчиками, в которых стоят инструменты. Ни раковины, ни ванночки для дезинфекции инструментов, ни стола, где пишут историю болезни, ни стеклянных шкафов с лекарствами и препаратами. У врача вместо стула или кресла — вращающийся табурет, и он, не слезая с него, может дотянуться до любого предмета в комнате. Иногда и табурета нет.

Я пошел к ларингологу промыть гланды раствором пенициллина — пустяковая процедура, которую тысячи раз проделывала моя мама в своем кабинете в 57 больнице. Какое там! Пришел хльщ, сунулся в

уху, в нос... Открой рот — А-а-а. Переводчица сидит в углу: У вас зубы плохие... Хорошо, что сказала, а то я не знал! — У вас гнойничок на правой гланде... Хлыщ достал палочку из стаканчика, прижег гнойничок ляписом. Палочку выбросил. В горле саднит, плюнуть некуда. Сижку, поджав коленки, в кресле. Хлыщ выписал мешок антибиотиков. Все! Придешь через месяц. И это называется «врачебная помощь!». Антибиотики я, разумеется, взял про запас, благо они для меня бесплатные. Но травить желудок и кишечник ради гланды я не собираюсь. Придется заняться полосканием самостоятельно.

Еще пример. Решил воспользоваться бесплатным медобслуживанием (у меня медикейт на 8 месяцев) и удалить часть родинок. В России для этого давно используют лазер, выжигают эту дрянь из тела. Но за это нужно платить. Нет уж, я лучше в Америке сделаю. Бесплатно. Опять приглашение явиться через полтора месяца в госпиталь где-то у черта на куличках. Два часа сидел в холле и читал журналы. Узнал, в частности, что принимать виагру лицам, потребляющим нитропрепараты, нельзя. А жаль. Самое время сейчас посмотреть бы, как выглядит полная эрекция. Кстати: если эрекция длится более 4 часов, то нужно вызвать врача... Через два часа меня повели в каморку с креслом. Принесли бумажную жилетку и бумажную юбочку. Потом постучала врачиха — можно войти?.. — Входите. (Что она — голых мужиков никогда не видела?) Вошла молодая женщина. Лицо глупое. Спрашиваю — не может ли удалить родинки. — Покажите... Показываю: под мышкой, на ноге, на животе, в паху (юбочка слетела) — Смотрит. — Можете удалить лазером? — Лазера нет, могу отрезать ножом... — Спасибо, ножом или ножницами я и сам могу. — Гуд бай. — Ба бай. Вот тебе и американская техника! Больше к специалистам записываться не буду. Бездари и халтурщики. Да и что толковое можно сделать в этих каморках без оборудования. Чему их учат столько лет — не знаю. Хирургия, как говорят, у них потрясающая. А терапии, как таковой — нет. Все в компьютере. Если жалобы на сердце — смотри анализ крови. Ага! У вас высокий холестерол... Доктор, у меня спазмы, грудная жаба. — Вот вам нитроглицерин. Спасибо, у меня есть нитросорбид. — Гуд бай. — Ба-бай.

Как и в России, большинство врачей — идиоты. Мыслящие и грамотные доктора встречаются очень, очень редко. Поэтому мой девиз: Помоги себе сам! — действует и здесь.

Продолжаю.

Жена сына Дашка сильно заболела. Ужасные боли внизу живота. Ничего не помогает. Нечто похожее было и раньше дома. Там специалисты смотрели и ничего не нашли. Потом само собой прошло. И вот, новый сильный рецидив. Настолько сильный, что она редела в голос и даже согласилась, чтобы вызвали скорую. Дальше — как в кино. Через

пять минут приехали пожарные, потом полиция, потом врачи. Народу-мужиков набилось тьма. В суматохе отдали пожарным карточки медикейта — и с концами. Никто с тех пор этих карточек не видел. А без них ни к одному врачу не попадешь. Сейчас сын заново оформил медицинскую страховку, но тогда мы все были как в угаре. Сел я в машину, Дашку внесли на носилках, повезли в *Юнион Госпиталь*. И что вы думаете? Ее сейчас же приняли? Ведь острая боль — не шуточки! Как говорит Задорнов — Щасс! Битых два часа она просидела в кресле-каталке, и ни одна сволочь не подошла. Я пять раз обращался в ресепцию: «Помогите, человек с острой и сильной болью!» — «Сейчас, отвечают, — очередь подойдет, и ее посмотрят». Такого, извините, блачества я в России ни разу не видел.

Не получив никакой помощи, приняли свое обезболивающее и отправились домой. Благо сын подъехал после работы к госпиталю. Это равнодушие, граничащее с тупостью, вы можете наблюдать и в обыденной жизни. Вот пример. Сынок лет трех-четырёх разгоняется на велосипеде и падает, сильно стукнувшись головой. Молодая мама сидит рядом и читает книжку. Увидев упавшего сына, она спрашивает: «Джимми, ар ю О'К?» И все! Однажды видел, как молодые родители в студеный октябрьский день везли двух-трехлетнюю крошку, ангелочка, в тонюсеньком сарафанчике. Сами эти гады были в теплых куртках, а детеныш уже практически еле дышал. Наверное, Господь пожалел крошку и шепнул дураку-отцу: Мол, так и так, посади её в машину.

Теперь о важном. Сын прибыл с семьей и с 12 огромными чемоданами, которые еле влезли в две машины. Нанервничались, потому что без нервов у нас ничего не бывает. Около двух часов они там получали багаж, а мы никак не могли узнать, куда они подевались. Сын появился злой, как черт на ленивых итальянцев.

Квартира, которую мы сняли, нам к счастью, не досталась. Американец не хотел выезжать. Полтора месяца дети жили у нас, а мы уходили спать к Боре. Сейчас сын уже снял двухкомнатную квартиру и все обставил, забил холодильник продуктами и фруктами. Дети пошли в школу, а тут и Христмас. Так что десять дней каникул.

Сын еще не решил, где будет работать. Пока немного подрабатывает на разгрузке-погрузке в русском магазине. Даша ходит на три часа в день в библиотеку. Заработки никакие, но работать ей нужно, чтобы иметь медицинскую страховку. Это здесь главное. Сын стал очень энергичным и деловым мужиком. Все основные моменты, включая телефон, у него уже есть. Вот меня все страшит, все волнует, я не знаю что и кому сказать, а он — идет напролом и чаще всего получает, то что просит. Квартирка досталась ему в запущенном состоянии, но он пошел в магазин, купил разных очистителей, залил все эти-

ми жидкостями и ушел. А на следующий день почти все отошло. Сейчас паита, холодильник и санузел прямо блестят.

Внуки регулярно ходят в бассейн. Хотя с ними пришло много хлопот, но зато и радости много. Борис подарил им огромного синтетического черно-синего тигра. И вот, наши бойцы взяли в руки по израильскому флажку, за спину закинули зонтики (один красный, другой синий), на голову надели роскошные соломенные шляпы-сомбре-ро и в таком экзотическом виде принялись скакать по нашей постели верхом на тигре. Пружины в нашей постели сильные, и они подскакивали на полметра. Зрелище уморительное, тем более, что они все это исполняли с полной серьезностью.

Наши взаимоотношения с детьми хорошие, но неровные. Наверное, так и должно быть. Добрые советы никому не нужны. Свои взгляды на то, как надо воспитывать, надо держать при себе, чтобы не напарываться на грубость. И хоть говорить: не твори добра — не получишь зла, но мы не должны ждать воздаяния за добро, ибо нас никто не неволит.

Ходил я тут с внуками и Дашей в Джуйку. Там был детский утренник с раздачей подарков. Наши ныли и капризничали, что им скучно, но потом выступила очень талантливая актриса и хотя она говорила на английском, все оживились, подпевали ей и всячески «помогали» вести спектакль. Потом наши получили подарки — прекрасные игрушки. Кристик, старший, шел злой, так как считал, что у него плохой подарок. Пришел домой и пустил нюни. Я бы у него отобрал подарок и дал по заднице за свинство. Но ведь Даша на страже. Не дай Бог обидеть ребеночка! Зато сама может треснуть по мордасам под настроение.

Кстати, в этой еврейской организации царил полный интернационал, пришло очень много черных и латиноамериканцев. Была даже эстонская семья.

Сколько же у наших детей игрушек! Можно открыть магазин. А тут еще и Христмас. Опять пошли и купили игрушки и сласти. Прямо как в сказочном королевстве. Когда всего так много, дети перестают ценить то, что имеют. На сегодня всё. Поздравляю всех с Новым Годом! Здравья и благополучия! Целую.

Привет из глухомани, которая очень далеко от Москвы.

Продолжаю.

Начальное образование в США — это нечто особенное. Все знают, что детей первые 4 года практически ничему не учат (в обычных государственных школах). Подавляющее большинство приезжих — люди безденежные, а если и есть какие-то деньги, то мы (наше поколение) избалованы бесплатным образованием и не торопимся раскрывать кошелек. Поэтому дети приезжих ходят в общедоступные эле-

ментэри скулз. Непонятно лишь, зачем рассчитывать программу школьного обучения на 12 лет и при этом заниматься чепухой 4 года в самом начале, в самом активном возрасте.

Я тут прочел один дидактический рассказик про господина Раппопорта, сына российского большевика. Очень забавный рассказик. У них, беденьких Раппопортов, был домик площадью всего-навсего 100 квадратных метров. А мы-то, имея 4-х комнатную квартиру такой же площади, считали себя богачами. И все, кто приходил к нам, говорили: какая у вас огромная квартира!... Так вот, у них, несмотря на *бедность* в одной из комнат была устроена библиотека (какое совпадение! У нас тоже, да на 2500 книг!). И Раппопорт-сын учился, учился и учился, как завещал великий Ленин, а потом женился и, одолжив у тещи 25000 долларов, основал страховую компанию. Он знал какое-то волшебное слово (*ноу-хау*) и потому его компания много-много лет процветала, а он стал мультимиллионером. А после этого он стал бесплатно 1 час в неделю учить школьников читать! (Вот тут начинается непонятное. Вроде бы, читать учат в школе. Зачем же такому занятому человеку, как мультимиллионер Раппопорт, тратить свой драгоценный час на такие пустяки?). Глядя на этот потрясающий пример бескорыстного служения обществу, многие люди тоже стали бесплатно учить детей читать 1 час в неделю. Господин Раппопорт при этом подсчитал, что все они произвели совокупную работу стоимостью в миллион долларов.

От таких рассказиков ушки сами собой свертываются в трубочку. Но дело не в рассказике, а в том, что описана правдивая ситуация. Нелепая ситуация для столь богатой и могущественной страны, которая имеет наглость поучать весь мир, как ему жить. У нас, в нашей тощей, грязной и вонючей России, в самой захудалой школе дети в третьем классе бегло читают и пишут (пусть с ошибками), знают все действия арифметики. А здесь! Срамота, да и только. Спрашивается, кто же эти идиоты, составившие программу для элементарной школы, которая ничего не дает ученикам и лишь развращает их бездельем. А ведь именно в эти школы идут дети из неблагополучных семей, где их и дома никто не воспитывает и не учит.

Зато очень постарались дать малолетним гражданам максимум прав (при полном отсутствии обязанностей). Наказывать нельзя, ставить отметки нельзя, ругать нельзя. А что же можно? Можно смотреть на гнусное, свинячье поведение — а оно в условиях вседозволенности иным быть и не может — и стараться развлечь и отвлечь детей от безобразных поступков. Видели бы вы, как они ведут себя в школьных автобусах, как они безобразно ругаются, не стесняясь ни взрослых, ни шофера. Дети, они же не дураки. Они прекрасно усваивают, что все права на их стороне. Кто-то сказал, что ребенок может пожаловаться на взрослого в полицию и взрослого обязательно заберут и предадут су-

ду за жестокое обращение с ребенком, даже если это родители. Как будто 10-12-летний подросток не может соврать со злом...

Если существует законодательство, пресекающее жестокость по отношению к детям, то я целиком на стороне закона. Но если закон не различает жестокость и строгость, то тем хуже для общества. Еще никогда вседозволенность не приводила к добру. Вот вам примерчик. Пошли в гости к Любе. Она живет в 12-этажном доме. Посидели, собрались уходить. Вызвали лифт, а он идет еще выше. Ладно, спустимся. Входим. Там два подростка лет 13-14. Когда мы уже поднялись на 12-й этаж, я заметил, что все этажи задействованы. Это значит, что стоять нам и ехать десять минут. Я выскочил из этого лифта, как ошпаренный и вызвал другой. А эти два придурка, естественно, выскочили за мной. Тут я и сказал одному из них, что он дурак и идиот, и повторил это много раз. Видели бы вы, как он изображал, что ему смешно. (Смеяться-то по человечески не умеют). Он вы, как кот, которому поставили скипидарную клизму, и царапал граблями стену. А черные ехали со мной и с ними в одном лифте и молчали в тряпочку. Потом мне наши пытались объяснить, что я не имел права «оскорблять» ребенка и что это могло для меня кончиться плохо. Каково!

Когда-то в молодости я прочел роман Мартти Ларни «4-й позвонок». Сейчас, наверное, мало кто его помнит. Так вот, там описан урок в американской школе именно такой, какой он есть на самом деле. А европейцам и нам он казался шаржем.

Удивительно, как после такого, никуда не годного обучения в элементарной школе, они все же ухитряются дать нормальные знания потом, в старших классах. Более того, в американских университетах преподают и работают специалисты очень высокого уровня (может быть, приезжие профессора?). И выпускают они прекрасных специалистов. Мне этот процесс превращения уродливой куколки в прекрасную бабочку совершенно не понятен.

Родня, готовая хвалить все американское и бранить все Российское, утверждает, что американцы — очень воспитанные люди. (Конечно, это взгляд туриста, а не исследователя). Что вам сказать... Если сравнить, как с нами обращались при советской власти и как обращаются сейчас, то и мы, вроде бы, сделали большой шаг вперед в уважении прав личности (хотя бы пока только в сфере обслуживания). И в этом плане Америка и Европа колоссально отличались и отличаются до сих пор от России. Хамство должно стать невыгодным. Всё, абсолютно всё зиждется на материальной заинтересованности. Человеческие отношения должны быть четко стимулированы деньгами в том плане, что заранее должна быть известна цена услуг. Безобразия государственных чиновников как раз возможны из-за отсутствия четкости в этом вопросе. А вот почему полицейские в США не берут на до-

рогах взятки, а в России вымогательство — основной промысел? Да потому, что полицейский получает много и, следовательно, дорожит своей работой, а взятка, которую может дать водитель ничтожна, чтобы из-за нее рисковать местом и будущим. Разумеется, когда в деле крутятся огромные деньги, то кто только не становится взяточником (и в США в том числе), ибо игра стоит свеч.

Итак, о воспитанности. Скажу честно, что доброжелательность совершенно посторонних людей испытал на себе уже множество раз. Если на прогулке встречаешь пешехода, как правило, он поздоровается и улыбнется. Пусть это чисто внешне, но отрада сердцу есть. При этом американцы терпеть не могут, если им жалуются на дела или на здоровье, так как это портит им настроение. Они начинают избегать таких людей. У нас же жалоба — это повод проявить сочувствие и к тому же — это прекрасная тема для разговоров. Вроде если у всех все прекрасно, то и говорить не о чем и незачем. И все-таки, хотя я не очень верю доброжелательности американцев, мне приятно говорить и слушать любезности, просто потому, что так заведено.

Всё-всё пока еще мне непонятно в новой жизни, и это может быть хорошо, ибо горек плод познания.

Теперь я хочу рассказать вам, как я участвовал в исполнении девятой симфонии Бетховена. Борис привез нас в Кембридж, что рядом с Бостоном, и мы вошли в здание странной архитектуры, где уже стояла масса народу. Холл этого здания напоминал неф средневекового собора с высочайшим потолком, терявшемся в сумраке, плиточным полом и разными раритетами, прикрепленными к стенам. Весь народ смиренно стоял в очереди, хотя концерт был бесплатным. В отличие от московских билетов, которые печатаются на бумаге из вторсырья, эти отличались изысканной графикой на блестящем белом полукартоне.

Пока мы, безбилетные, стояли сиротливой кучкой, отделенные цветным шнуром от остальной очереди, Борис помотался туда-сюда и принес ворох билетов. Вскоре мы уже сидели в концертном зале. Зал меня поразил. Нет, не величиной, не пышностью, хотя он был не намного меньше нашего Большого Концертного Зала Московской консерватории на бывшей улице Герцена. Поразила меня архитектура. Он напоминал огромный цилиндр, отделанный изнутри резным деревом приятного коричневого оттенка. Партер служил основанием цилиндра, а амфитеатры, балкон и сцена напоминали выдвинутые из этого цилиндра плоские ящики огромной вместимости. По краям сцены стояли две мраморные скульптуры мужского, весьма приятного вида. Судя по костюмам, один мужчина родился и умер очень давно, а другой этак в веке восемнадцатом, не позже.

Зал наполнялся медленно. Так как гардероба не было, все входили в верхней одежде и клали её куда придется — кто на колени, кто под ноги,

а кто вообще у стены. Практичные американцы не любят стоять с номерком в очереди. Кроме того, многие приезжают на машинах без пальто... Но вот, прозвенел очередной звонок. Оркестр собрался, подудел ноту Ля на разные голоса. Я поискал глазами дирижера, но не нашел. Правда, перед оркестром маячил какой-то седоватый, худой господин в кроссовках и темно-синем спортивном костюме. Внезапно он обратился к публике. Я, разумеется, ничего не разобрал, но понял, что это и есть дирижер. Публика захлопала. Первым номером был «Кориолан» Бетховена. Дирижер взмахнул рукой, оркестр сыграл первые такты, после чего дирижер сказал что-то вроде: «Ну, дальше вы уж сами, а я посижу, послушаю», — спрыгнул со сцены и уселся в третьем ряду. Наша чопорная московская публика, особенно старички и старушки в седых кудельках, были бы шокированы таким поведением, но здесь никто и бровью не повел. Оркестр, как ни в чем не бывало, продолжал дудеть «Кориолана», и я уж подумал, что это — американский способ исполнения, как вдруг дирижер с легкостью козы спрыгнул на сцену и прервал мелодию. Теперь он заставил оркестр начать с самого начала и стал энергично размахивать палочкой. Пока он махал, курточка на нем лезла вверх и вверх, и он левой рукой все время оттягивал ее вниз. Однако музыка была прекрасной, и я уже собрался было ей отдаться, как вдруг он остановил оркестр и принялся объяснять нам красоту сыгранного фрагмента. Это вызвало у меня ассоциации с прерванным половым актом. Так мы дошли с перерывами и объяснениями до самого конца. Затем дирижер сказал, что, мол, подождите, я сейчас вернусь, и скрылся за кулисами. Вернулся он при полном параде, и его седина великолепно сочеталась с черным фраком. Он стал выглядеть строже, выше, величественнее. Вот он взмахнул палочкой и повел оркестр, уже не прерываясь. Ощущалось, что он владеет малейшими нюансами Бетховенского сочинения. Я получил огромное удовольствие и присоединился к аплодирующей публике.

Следующим номером была симфоническая поэма П.Чайковского «Ромео и Джульетта». Музыка настолько выпуклая, выразительная, что вы буквально видите панораму старинного итальянского города, сумрачные замки-крепости, ветренное небо в тучах, вооруженных и враждующих людей, расхаживающих по улицам. Остановив оркестр, дирижер обратился к нам, объясняя, что означают партии отдельных инструментов, потом он продолжил музыку, еще и еще раз прерывая ее после особенно выразительных мест. Потом он заставил оркестр исполнить поэму полностью. На мой взгляд, исполнение было совершенно безобразным. Оркестр в его руках вдруг развалился и левое крыло повело себя так, словно не было правого. Не исключено, что вещь была плохо отрепетирована. Может быть также, что сказалось недопонимание стиля русской музыки. Не знаю. Могу и ошибиться в оценках. Впрочем, публика опять бурно аплодировала... То, что публи-

ка в массе своей дура — ни для кого не секрет. Толпа не есть мыслящее существо, а есть существо, движимое инстинктами. У нее свои ценности — ценности установившихся, неподвижных и общепризнанных мнений и решений, отклонение от которых считается ересью и сурово карается этой же самой толпой. Но толпа, к сожалению, является основным потребителем духовных и телесных ценностей. Не могу же я или кто угодно другой принять у себя в крошечной квартирке симфонический оркестр! А театр может. И исполнитель должен угождать толпе, а не мне лично или лично вам. Вот и все.

Подхожу к финалу. Аллегро Моцарта, кёхель 136 они исполнили хорошо, потом неизвестного мне Эдварда Элгара «Нимрод» еще лучше. Потом оказалось, что лекции дирижера съели время, необходимое для других вещей, после чего нам всем раздали красивые такие книжечки под названием «Классическая лихорадка», откуда я узнал, что дирижера зовут Бенджамен Цандер. На обратной стороне обложки была напечатан по-немецки с разбивкой на темпы текст первого куплета знаменитой оды Шиллера «К радости». Удивительно, но на всех, абсолютно на всех хватило этих книжечек (богатая страна!). Цандер пригласил всех встать и петь вместе с оркестром, благо специального хора в зале не было. И вот, мы завопили, что всех призываем слиться с нами в объятьях (обнимитесь, миллионы):

*Froy-der, sber-ner getter-foon-ken,
Tochter 'ouse e-lyse-ium,
Veer be-tray-ten foyer troon-ken,
Himm-lee-she, dine high-lish-tomb!*

(Excuse them please for English spelling of German text)

По-видимому, в нашем коллективном бляении было мало торжества, что не соответствовало накалу страстей в финале девятой симфонии. Поэтому, не давая нам сесть, Цандер попросил исполнить куплет еще раз, но дружнее и громче. Если около тысячи человек, повинуясь палочке дирижера начинают петь одновременно, то в результате получается весьма сносная музыка, этакий мерный, музыкальный грохот прибоя. Я тоже хотел слиться с поющей массой, но что-то мне мешало и потому я лишь тихонько подвывал в тональности *До-минор*, как мне казалось.

По дороге домой я узнал у Бориса, что Б.Цандер дирижер не простой, что он считается одним из лучших исполнителей симфоний Гюстава Малера. В моих глазах он сразу значительно вырос. Дома я узнал из книжечки, что родина Цандера — Великобритания, что музыку он начал сочинять в девять лет, но деревенское окружение не встретило его сочинения с пониманием, что оскорбленная мать направила его к великому Бенджамену Бриттену, и маленький Цандер играл с композито-

ром в крикет и брал уроки композиции. В пятнадцать лет Цандер уехал во Флоренцию, где учился у знаменитого Гаспара Кассадо искусству игры на виолончели, но болезненное состояние кожи на пальцах рук не позволило ему стать виолончелистом. Цандер вернулся в Лондонский университет, где занимался английской литературой, а затем эмигрировал в Соединенные Штаты Америки.

Дирижером он стал совершенно случайно. Попробовав однажды свои силы с одним из оркестров, он нашел это занятие столь приятным и увлекательным, что остался ему верен навсегда...

Здравствуйте, дорогой Иван Иванович!

Вот я пишу вам письмо и слеза катится, потому что скучаю без вас и наших дорогих девочек ужасно. Здесь я живу на строгой диете, никого, кроме родни не посещаю. От этой вегетарианской жизни совсем пропала эрекция. Страшно подумать, что меня ожидает в недалеком будущем. По причине отсутствия приличного общества не выпиваю даже той малой порции, к которой привык в России.

За моё подвижничество и долготерпение, а также самоотверженность в отношении жены и детей не мешало бы на родине установить бронзовый бюст с надписью: «А ведь он мог еще иметь детей!» Даже рассказы, которые крутятся в моей грешной голове не могу написать — все время, как придурок, учу английский. Но, наверное, он у меня уходит с мочой, потому что то, что с вечера вызубрил — утром не помню наотрез. Что же эти проклятые американцы сделали своим языком! «Гимми бак. Ай гонна бай кэнди» означает: «Дай мне доллар, я собираюсь купить конфетку». Ну не суки ли они... А ведь я считался у нас в лаборатории знатоком английского языка.

Сажу без языка, без работы и без денег. На работу меня, такого старенького никто не возьмет, тем более, что когда меня спрашивают о чем-либо по телефону, я не могу толком понять, чего от меня хотят. Если бы я был знаменит, как Нильс Бор (прости меня, Господи, за нескромность), я мог бы наплевать на них всех и говорить на том языке, на котором мне удобно. Но так как я из тех редисок, которые хозяйка не может выделить в пучке, купленном на рынке, то и судьба моя, как у той редиски.

Умные люди посоветовали мне косить под придурка, потому что придуркам дают содержание и уменьшают плату за квартиру: они платят одну треть дохода. Если я сейчас сунусь работать, то не видать мне долгожданной пенсии, как собственных ушей и работать мне до 72 лет, пока не образуется стаж 10 лет. Вот тогда мне дадут пенсию. Так что я пока подал документы на то, что я не могу работать в принципе (а ведь какой был активный!). Так что вы все правильно сделали, что никуда не поехали. А что в России грязно — так нам не привыкать. Тем более, что

от грязи микроб дохнет. А что у них при всей чистоте те же болезни, что и у нас — это как? Да, хирургия у них на высочайшем уровне. А насморк лечить нечем. Видите ли, нафтизин вреден для сосудов. Ну и мучайтесь со своими прекрасными сосудами. Все жрут таблетки тоннами и верят врачам, как последние бараны. Вот почему врачи и фармацевты разжирили у них до полного безобразия.

От того, что жратвы навалом и задешево, большинство жрет и обжирается хуже свиней. Бабы ходят с жопами, которые растут прямо от шеи и не помещаются в автомобиль. У мужиков сало свешивается над ремнем, как тесто. Тьфу! Если видишь человека худощавого или просто нормальной комплекции, то это или больной раком, или аристократ с бешеными деньгами, или профессиональный спортсмен.

Книги здесь валяются везде, потому что после прочтения многие их бросают, но, к сожалению, все на английском языке. А в магазине они стоят сумасшедшие деньги.

Ну, ладно. Что-то я все о глупостях. Вот если бы вы нашли способ посылать мне информацию о ваших исследованиях, я постарался бы быть вам полезным. Кстати, у меня есть факс и компьютер. Есть еще и телевизор с огромным экраном и видеоманитофон и много-много еще всяких вещей, которые мне надарили. Единственное, что я купил — это приемничек с магнитофоном, чтобы слушать проклятую английскую речь за 19 долларов, и факс. Когда подучусь, приобрету интернет и смогу дешево общаться с вами. Но пока я еще только осваиваю основы компьютерной техники.

Что вам еще сказать... Впечатлений у меня вагон и маленькая тележка. Я уже накропал страниц 20 и озаглавил "Письма в Россию». Я бы с удовольствием их переслал вам, чтобы вы посмеялись и поплакали вместе со мной, но ведь если я отправлю толстое письмо к вам, то ваша (наша) почта обязательно выпотрошит конверт в поисках долларов. Говорят, что по-прежнему письма из США и других развитых стран доходят очень плохо. Это стыдно! Все же надеюсь, что это письмо вы получите. Сложитесь вскладчину и пошлите мне письмо от лаборатории. Какая будет отрада душе! Пойду после этого и помолюсь за ваше здоровье в храме. Мой адрес на конверте.

Всем моим любимым женщинам огромный привет и поцелуи. Всем здоровья и счастья.

Попробую позвонить мистеру Даймонду и спросить, не могут ли они мне сделать бесплатное пребывание в Орландо с оплаченным проездом туда-сюда. Если да — то поеду. А так — нет. Пока с деньгами у меня туго.

Нежно и бескорыстно любящий всех вас:

Олег Трастанецкий